

созерцающий Бога как идеал. Г. С. Померанец, высоко оценивающий творчество М. в целом, особенно ее прозу, но неадекватно воспринявший это ее стих., попытался опровергнуть мнение поэтессы как ересь в статье «Молитвы художника» (См.: Померанец Г. Страстная односторонность и беспристрастие духа. М.; СПб., 1998. С. 96–100).

Проза М. имеет в основном автобиографический характер, лит.-критические статьи, эссе и заметки посвящены главным образом любимым поэтам (Мандельштаму, Г. Иванову, Набокову, Пастернаку, А. Тарковскому, рано погибшему молодому поэту Илье Тюрину и др.), раскрытию собственных эстетических взглядов и духовно-религиозных идеалов.

Соч.: Стихи и проза / предисл. Г. С. Померанца, З. А. Миркиной. М., 1991; Между облаком и ямой. М., 1999.

Лит.: Кузовлева Т. Зонт, танцующий на краю бездны: [рец. на кн: «Заметки, записи, штрихи»] // Лит. газ. 1997. 29 окт.; Бек Т. Отважная весть: [рец. на кн: «Между облаком и ямой»] // Лит. газ. 2000. 2–8 февр. С. 10; Галина М. Из книжных лавок // Арион. 2000. № 2; Чайковская В. Все неверно (М. Галина. Из книжных лавок) // Арион. 2000. № 2) // Знамя. 2000. № 11.

М. Ф. Пьяных

МИНСКИЙ Николай (настоящее имя Николай Максимович Виленкин) [15(27).1.1856, с. Глубокое Виленской губ.— 2.7.1937, Париж] — поэт, драматург, переводчик, публицист.

Родился в небогатой еврейской семье. В 1875 окончил с золотой медалью минскую гимназию. В том же году поступил на юридический ф-т Петербургского ун-та; успешно завершив курс в 1879, получил степень кандидата прав. Но карьера юриста не прельщала М. Печататься начал в 1876, опубликовав стихи в «Ж. русских романов и путешествий», в газ. «Новое время» («Сон славянина»).

Характеризуя творческую судьбу М., Блок отмечал: «...стихи его захватывают несколько эпох, в них отразилось безвременье не только восьмидесятых и девяностых годов, но и годы русской революции, а душа поэта прошла как будто путь еще длинней и радостней — от „гражданских песен“ до „песен любви“, от Надсона до Вл. Соловьева» (Блок А. СС: в 8 т. Т. 5. С. 277). Влияние «скорбной музыки» С. Надсона на раннего М. не вызывало сомнений у критиков.

Народнические мотивы, связанные более всего с поэзией Некрасова и Плещеева, нередки в ранней лирике М. (поэма «На роди-

не», стихи «Наше горе», «В деревне», «На чужом пиру» и др.), но в определенной мере прав был критик С. А. Андреевский, утверждая, что либерализм молодого поэта носил скорее общечеловеческий характер. Оценивая позднее свои первые произведения, М. писал, что в них выразилась боль «сгорания... на костре любви — к народу, к человечеству...» («О себе», 1922). Довольно широкую известность обрела напечатанная в подпольной газ. «Народная воля» драматическая поэма М. «Последняя исповедь» (1879), которая нашла отражение в картине И. Репина «Отказ от исповеди перед казнью» (1879–85). Поэма написана в форме диалога между приговоренным к казни юношей-революционером и священником, пришедшим в каземат со словами прощения и утешения. «Не отвергай последний дар любви — / Земной залог Господня примиренья. / Покайся, сын, в грехах...» — просит священник. Осужденный в ответ «кается» в том, что он горячо полюбил «бедных и голодных», что не считал добро «несбыточной сказкой», что «к врагам народным всю жизнь пылал священной враждой», что, «родившись меж рабами», хочет умереть свободным. Гневно обличая «Божьих слуг», которые «с сильнейшими в союзе», он отказывается просить прощения у Всевышнего. Потрясенный священник уходит, уступая место палачу. Поэма, естественно, вызвала резкое недовольство властей.

Тираж первого сб. М. «Стихотворения» (1883) был почти полностью уничтожен по

Н. Минский

требованию цензуры за «тенденциозное содержание» (книга вышла в 1887). Также была запрещена к распространению поэма **«Гефсиманская ночь»** (1884) (за искаженное изображение последних дней жизни Христа).

В середине 1880-х в мировоззрении поэта произошел перелом. В 1884 он опубликовал в киевской газ. «Заря» (29 авг.) статью под названием **«Старинный спор»**, ставшую едва ли не первой декларацией русского модернизма. М. выступил решительным поборником «вечного и чистого» искусства, творимого свободным от злобы дня художником. Эта статья во многом предвляла идеи нарождавшегося в России символизма: культ эстетики, индивидуализма, «мысль об искусстве как преображении мира» (З. Г. Минц). В эти годы в сознании М. постепенно начинает складываться его философская доктрина «мэонизма» (от греч. «мэон» — «несуществующее», «небытие»). В основе ее лежали мистические идеи постижения тайны Бога, которая остается вечной загадкой, стремления к «невозможному», бесконечному миру (ср. в одном из ранних стихов З. Гиппиус: «Мне нужно то, чего нет на свете...»). Тяготение личности к «несуществующему», запредельному обусловлена, по мистическим представлениям М., не только разочарованием в реальной жизни и земных идеалах, но и тем, что человек подспудно стремится преодолеть бытие во имя призрачного инобытия. Своеобразное поэтическое выражение эти идеи получили в стих. **«Как сон, пройдут дела и помыслы людей...»** (1887), которое, по мнению Блока, может быть поставлено наряду с лучшими стихами современников М.—Фофанова, Мережковского, З. Гиппиус: «ведь „жажда святых, которых нет“ — лозунг целой большой эпохи...» (Блок А. СС: в 8 т. М.; Л., 1960–63. Т. 5. С. 284). Заключительные строки этого стих. можно считать программными для М.: «Но всех бессмертней тот, кому сквозь прах земли / Какой-то новый мир мерещился вдали — / Несуществующий и вечный, / Кто цели неземной так жаждет и страдал, / Кто силой жажды сам мираж себе создал / Среди пустыни бесконечной». По словам Блока, эти стихи «полны глубокой и успокоенной грусти, полной разочарованности в земном и тоски по неземному» (Там же. С. 283). Новое, идеалистическое мирозерцание М. нашло философское обоснование в его книге **«При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни»** (1890): «Пусть бесконечности нет, но стремление души вырваться из оков конечного — это стремление

бесконечно». «Мэонизм» М. был вызван, по сути, неутолимой духовной жадой, которая почти постоянно томилась. Это были, по позднему признанию М., поиски «храма над пустотой». Д. Мережковский истолковал трактат М. как свидетельство «глубоко современного перерождения, хорошо знакомого людям 80-х годов». То, что происходило в творчестве поэта на рубеже 1880–90-х, он декларативно выразил в стих. **«Посвящение»**: «Я цепи старые свергаю, / Молитвы новые пою». В это время определилась позднейшая репутация М. как «отца русского декадентства». «...Для молодежи 90-х годов имя Минского, как и его сверстника и соратника Д. Мережковского, было бранным кличем,— вспоминал В. Брюсов.— Минский и Мережковский первые попытались сознательно усвоить русскую поэзии те темы и те принципы, которые были отличительными чертами получившей в то время известность и распространение „новой поэзии“» (Брюсов В.— С. 278).

В 1890-е М.— автор и сотрудник ж. «Северный вестник», где были напечатаны его поэмы **«Свет Правды»** (1892), **«Город смерти»** (1894). Поэмы В. Брюсов относил к лучшим произведениям М., отмечая оригинальность замысла, сжатость, стройность построения.

М., однако, не довольствовался отвлеченным философствованием и «чистым искусством». Он хотел действовать. Его влекло к тому, что тогда называли «религиозной ответственностью». В 1901 он выступил одним из инициаторов петербургских Религиозно-философских собраний (1901–03), призванных обсудить с духовенством важные религиозные вопросы, способствовать одухотворению общества. М. принял также близкое участие в ж. Д. Мережковского и З. Гиппиус **«Новый путь»** (1903–04), тесно связанном с Религиозно-философскими собраниями.

В 1905 в судьбе М. произошел «внезапный обрыв», когда им целиком завладели текущие события. Он пережил всплеск революционных настроений, мечтая об органичном «союзе интеллигенции и рабочих». Он сделался «бардом социал-демократии» (Ю. Айхенвальд), вновь обратившись к «гражданской» поэзии. Наибольшую известность получил его призывный **«Гимн рабочим»** («Пролетарии всех стран, соединяйтесь!..»), который Блок назвал «безвкусной и трескучей рабочей Марсельезой» (Блок А. СС: в 8 т. М.; Л., 1960–63. Т. 5. С. 281). Примечательен отклик Д. Мережковского в письме к жене поэта, Л. Н. Вилькиной: «„Гимн рабочим“

меня огорчил: „из развалин, из пожарищ“ ничего не возникнет, кроме Грядущего Хама» (Ежегодник РО Пушкинского Дома, 1991. СПб., 1994. С. 232). Сблизившись с социал-демократами, М. стал редактором-издателем большевистской газ. «Новая жизнь». Объясняя позднее этот эпизод своей биографии, он, в частности, писал: «Союз между символизмом и революцией — явление внутренне необходимое. Художники с наиболее утонченными нервами не могут не оказаться наиболее отзывчивыми на голос правды <...> Что касается меня, то союз между практическим и теоретическим идеализмом всегда казался мне неизбежным. Для меня не было и нет сомнения, что, для того чтобы русская личность очнулась от оцепенения, в которое ее повергла наша ненормальная государственность, ей одинаково необходимо как внешний простор политической свободы, так и внутренний простор религиозной истины» (**На общественные темы**. СПб., 1909. С. 195). В связи с запрещением газ. «Новая жизнь» М. в дек. 1905 был арестован, началось следствие. После месячного пребывания в тюрьме (в это время написан цикл стихов **«В одиночном заключении»**) он был отпущен на свободу под залог. Суд не состоялся, поскольку М. вскоре уехал за границу.

Жил он в основном в Париже. Испытал «рабство случайного труда». В эмиграции им были созданы пьесы **«Железный призрак»** (1909), **«Малый соблазн»** (1910), **«Хаос»** (1912). Две первые посвящены теме власти мира вещей над человеком, в драме «Хаос» отразились события первой русской революции. Между тем в 1907 в Петербурге вышло 4-томное Полное собр. стихотворений М. Мн. критики особо выделяли 4-й том, куда вошли произведения из сб. **«Новые песни»** (1901). В. Брюсов отметил, что в наиболее характерных стихах М. (**«Нет двух путей добра и зла...»**, **«К Тебе, Господь, моя душа пришла...»** и др.) «мысль стоит на первом месте и оригинальность мысли часто искупает неоригинальность формы» (Брюсов В.— С. 279). Впрочем, Брюсов признавал, что некоторые лирические творения М. довольно непосредственны, своеобразны, лишены рассудочности (**«Волны»**, **«Шелест листьев»**, **«Мертвые листья»** и др.).

В Россию М. возвратился после амнистии в 1913, но прожил на родине недолго. В 1914 он снова оказался за границей, некоторое время был военным корреспондентом во Франции. После событий 1917 проживал в Берлине, Лондоне (здесь до 1927 служил в советском полпредстве), Париже.

Творческая деятельность М. была многообразной. Он писал стихи, поэмы, драмы (помимо указанных, пьеса **«Альма»** (1900) — мелодрама с декадентскими идеями и мотивами), публицистические и критические статьи, философские трактаты (**«Религия будущего»**, 1905; здесь М. развивал свои идеи мэонизма), много переводил («Илиаду» Гомера, произведения Байрона, Шелли, Верлена, Флобера и др.). И все же худож. достижения М. были достаточно скромными — видимо, не в последнюю очередь потому, что часто он «не знал, за кем ему идти: за эпохой или за самим собою» (Ю. Айхенвальд). И тем не менее прав был Брюсов, утверждавший, что из стихотворений М. можно «образовать небольшой томик», который был бы желанным для всех, кому дорога поэзия (Брюсов В.— С. 279–280).

Соч.: Полн. собр. стихотворений: в 4 т. СПб., 1907; Поэты 1880–1890-х. Л., 1972. С. 84–138. (Б-ка поэта. Б. серия).

Лит.: Брюсов В. Поэзия Н. Минского // Брюсов В. Среди стихов. 1894–1924. М., 1990. С. 275–280; Блок А. Письма о поэзии [1. «Холодные слова»] // Блок А. О лит.-ре. М., 1980. С. 127–133; Куприяновский П. В. Из истории раннего русского символизма (Символисты и ж. «Северный вестник») // Русская литература XX в.: Дооктябрьский период. Калуга, 1968. Сб. 1; Минц З. Г. Статья Н. Минского «Старинный спор» и ее место в становлении русского символизма // Биография и творчество в русской культуре начала XX в.: Блоковский сб. IX. Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 857. Тарту, 1989; Айхенвальд Ю. Минский // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М., 1994.

В. Н. Быстров

МИНЦЛОВ Сергей Рудольфович [1(13).1. 1870, Рязань — 18.12.1933, Рига] — прозаик, драматург, поэт.

«Семья Минцловых — древнего литовского корня (племени пруссов), и первое упоминание о них относится ко временам Грюнвальдской битвы, в которой двое Минцловых легли за родину на поле чести. Род этот дал цепь талантливых лиц, преимущественно художников и писателей, и эту редкую черту сохранила и переселившаяся в 1830 г. в Россию ветвь» (**Автобиография**. 1902. РО ИРЛИ. Ф. 377; см. также: Родословная рода Минцловых // Книгохранилище Сергея Рудольфовича Минцлова. СПб., 1913. С. V–XIV). Дед М., Рудольф Иванович Минцлов (1811–83), в 1856–60 преподавал немецкий яз. будущему императору Александру III и его братьям; с 1847 до кончины работал в Императорской публичной